DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_75

«КМВ-РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

ОРЕХОВ Андрей Михайлович,
доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (РУДН).
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-511-44003 «Социальное знание: вызовы современной техногенной цивилизации».

Краткая аннотация. *В статье выдвигается гипотеза КМВ-революции в социально-гуманитарных науках. «КМВ» здесь означает «Конт–Маркс–Вебер». КМВ-революция – это научная революция в социально-гуманитарных науках, произошедшая в 1840 - 1920 гг. и осуществившая в них следующие фундаментальные, коренные перемены: (1) разделение социального и гуманитарного знания; (2) формирование позитивизма – первой оригинальной методологии социально-гуманитарного знания; (3) осознание роли идеологии как конститутивной функции этого знания. Благодаря этой революции совершился переход от «натуралистического» периода социально-гуманитарного знания к «ойкуменическому» периоду его развития, продолжающемуся до сего дня. На современном этапе своего развития социально-гуманитарное знание находится на эволюционной стадии своего развития; идет плавный, линейный, градуальный, постепенный процесс накопления социально-гуманитарного знания, – период «нормальной науки», по терминологии Т. Куна.*

Abstract: *In the paper is advanced the hypothesis of CMW-revolution in social-humanitarian sciences. Here "CMW" means "Comte-Marx-Weber". CMW-revolution was scientific revolution in social-humanitarian sciences in 1840-1920 years and realized in them the following radical changes: (1) division into "social knowledge" and "humanitarian knowledge"; (2) forming of positivism – the first original methodology of social-humanitarian knowledge; (3) realizing of the role of ideology as basic function of this knowledge. Thanks to this revolution was accomplished the transition from "naturalistic" period to "oecumenical" period which continues before this time. In modern stage of its development social-humanitarian knowledge is on evolutional stage of its development; we have smooth, gradual, linear process of accumulation of social-humanitarian knowledge, – the period of "normal science", in terms of T. Kuhn.*

Ключевые слова: *научная революция. КМВ-революция, социально-гуманитарные науки, парадигма, натуралистическая парадигма, ойкуменическая парадигма.*

Keywords: *scientific revolution, CMW-revolution; social-humanitarian sciences, paradigm, naturalistic paradigm, oecumenical paradigm.*

Проблема революций в науке: что мы имеем на данный момент?

Проблема эволюции социально-гуманитарных наук, развития всей системы социально-гуманитарного знания от эпохи Древнего мира к началу XXI в., – проблема, далеко не новая для как философии науки в целом, так и для ее специфической области – философии социально-гуманитарных наук. Обе они всегда стремились дать тот или иной ответ на вопрос о том, как развивалось социально-гуманитарное знание и социально-гуманитарные науки в целом, как периоды последние проходили в своем развитии, существовали или нет здесь качественные скачки (т.е. «научные революции» согласно Т.Куну) и т.п.

В российской философии науки наиболее известной и обсуждаемой стала концепция «трех стадий» развития науки, разработанная академиком В.С.Степиным [Степин, 1999; Анализ структуры…, 2017]. Согласно этой концепции вся наука (здесь заявляется претензия на универсальность: свою концепцию В.С.Степин относил как к естественным наукам, так и к социально-гуманитарным) проходит в своем развитии три периода: классический (XVII-XIX вв.), неклассический (в основном XX век), и наконец, в конце XX века и при переходе к нынешнему столетию наука входит в так называемый «постнеклассический» период. Исходя из этого, можно предположить, в социально-гуманитарных науках, – соответственно этой концепции, – были две «научные революции»: неклассическая (классическая рациональность радикальным образом меняется на неклассическую, это конец XIX – начало XX вв.) и постнеклассическая (неклассическая рациональность (также радикальным образом) меняется на постнеклассическую: конец XX вв. – начало XXI в.).

Мы не будем давать подробную характеристику всех этих периодов по В.С.Степину, – отметим лишь то, что он и его последователи пишут о «постнеклассическом периоде рациональности» в развитии науки:

«В каждом новом типе рациональности изменяются философские основания науки. … В классической рациональности эта деятельность предстает как познавательное отношение, в котором суверенный познающий разум (субъект) со стороны наблюдает и изучает объекты и в идеале не детерминирован ничем, кроме своих способностей постигать свойства и сущностные связи объектов. В неклассической рациональности выясняется, что между разумом и объектом всегда есть посредник – средства и операции деятельности. Они исторически развиваются, и от уровня их исторического развития зависит то, что может выделить и изучить в мире познающий разум. Наконец, в постнеклассической рациональности принимается во внимание, что любая деятельность, в том числе научное познание, социально детерминирована, определена базисными ценностями культуры, которые программируют деятельность, влияют на формирование ее ценностно-целевых установок» [Степин, 2014, с.80]. «"Постнеклассическая" наука занимается

сложными, саморазвивающимися системами. Теперь такие системы определяют ее картину мира. Собственно, и сама эта картина понимается как система, ни один фрагмент которой (точнее кластер фрагментов) не отстранен от саморазвития, но участвует в нем. Саморазвивающийся мир объектов – онтологическая основа саморазвивающейся системы знаний о нем. Такая связь устанавливается и оценивается в соответствии с культурно-исторически обусловленными нормами научной деятельности и идеалами, как познавательными целями, избираемыми и принимаемыми научным сообществом. … Постнеклассическая философия науки рассматривает современную науку сквозь призму трансдисциплинарности – как особый, ранее не бывший модус ее современного бытия» [Порус, 2015, с.424-429]. «Современная наука, обозначаемая термином постнеклассическая, отказывается от многих постулатов, на которых строилась классическая рациональность. Дисциплинарное устройство сохраняется, но все больше места занимают междисциплинарные программы и трансдисциплинарные исследования … Но научно обоснованным такое мироведение становится в рамках эволюционно-синергетической парадигмы, которая формируется при участии всего современного естествознания – физики, химии, биологии и математики, а также гуманитарных наук – социосинергетика» [Черникова, 2015, с. 28-29].

Итак, подчеркнем, согласно В.С. Степину и его последователям, траектория развития социально-гуманитарных наук и в целом социально-гуманитарного знания абсолютно ничем не отличается от траектории развития естественных наук и естественнонаучного знания; социально-гуманитарное знание переживает в своей эволюции абсолютно те же самые «классический», «неклассический» и «постнеклассический» период. К примеру, в последний период там резко усиливается роль субъекта познания, и появляется «синергетическая» составляющая («социосинергетика», по мнению И.В. Черниковой).

На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с непродуманным случаем экстраполяции схемы развития естественнонаучного знания на социально-гуманитарное знание. Например, так называемая «социосинергетика», по нашему мнению, – это не что иное как научный миф, владеющий умами отдельных российских исследователей, – все случаи применения синергетического подхода в социально-гуманитарных науках имеют исключительно единичный характер, – и никакого серьезного влияния на эволюцию социально-гуманитарного знания в целом они не оказывали и не оказывают[1]. Крайне сомнительный характер имеют и другие признаки «постнеклассического» периода, если их соотнести с современным этапом развития социально-гуманитарных наук:

Трансдисциплинарность? Извините, что мы здесь пока имеем, кроме одного концепта с неопределенными перспективами использования? (Мы пытались однажды уже прояснить суть этого концепта в отношении других концептов, характеризующих междисциплинарность [Орехов, 2018]). Никакого нового этапа в развитии социально-гуманитарного знания он не постулирует и не определяет, и никакой постнеклассической революции собой не знаменует.

Социокультурная детерминация и определенность через ценности культуры? Да это было во все исторические эпохи и всегда гораздо сильнее выражено в социально-гуманитарных науках, чем в естественных науках. Делать из этого особый «исторический этап» в развитии социально-гуманитарного знания абсолютно бессмысленно и ничем не оправданно.

Гуманитаризация? Усиление качественных аспектов социально-гуманитарного знания, уход от формализации и математизации, понимание и смысл как ключевые аспекты этого типа знания? Но как мы покажем ниже, это все применимо лишь к гуманитарным наукам, а отнюдь не к социальным. Последние движутся совсем по иной траектории, чем науки гуманитарные, – и это можно, в принципе, считать признаком «научной революции» – только совсем иного характера, чем предполагали и предполагают В.С.Степин и его сторонники.

Наоборот, в социальных науках (в отличие от гуманитарных), вопреки всем аксиомам «постнеклассической революции», усиливается формально-математические характеристики социального знания, совершенствуются статистические методы, которые улучшают точность наблюдений и измерений в социальном знании. Этот факт отмечают многие исследователи, – например, Д.Родрик, который заявляет, что не только экономика, но всякая другая социально-гуманитарная наука, например политология, «значительно продвинулась по пути экономики в части овладения математическим формализмом» [Родрик, 2016, с. 47].

Проблема также заключается в том, что, к сожалению, «триада» – три этапа развития знания довлеет не только над философами, но, к примеру, над социологами. Они также утверждают существование трех этапов (трех периодов) в развитии социологии, но наименование третьего периода выглядит немножко иначе: он обозначается как «неоклассический», но два предыдущих носят те же названия: классический и неклассический. Так называемый неоклассический период в социологии, согласно Ю.Г.Волкову и А.В.Лубскому, характеризуется отказом от монистической интерпретации социальной реальности и переходом к ее плюралистической интерпретации:

«Переход от монистической интерпретации социаль-

[1] Обсуждать здесь, конечно, можно всё и даже утверждать, что у «социосинергетики» есть свои *основоположники* в России [Синергетическая философия истории сегодня, 2019], но, смеем заключить, что воздействие, которое они оказали и оказывают на социально-гуманитарную науку, почти незаметно и его можно исключать из всякого анализа развития социально-гуманитарного знания.

ной реальности к плюралистической позволяет социологам «открывать» множество верных, но при этом конфликтующих социальных миров как внутреннее согласованных социальных реальностей» [Волков, Лубский, 2018, с. 9].

Есть попытки разработать подобную трехэтапную методологию и для социальной теории как междисциплинарной теории общества, – например, у С.И. Платоновой [Платонова, 2014], но конструируется она на принципах, аналогичных концепции В.С. Степина.

И опять же, почему никто из российских исследователей не предполагает (вот это куда более серьезный вопрос!), что слепая экстраполяция схемы трехстадийной схемы В.С.Степина из естественных наук на социально-гуманитарные науки может стать одним из глубочайших заблуждений российской философии социально-гуманитарных наук?[1]

Мы убеждены, что настало время радикально менять концептуальные подходы к исследованию эволюции социально-гуманитарного знания, и в связи с этим хотели бы выдвинуть свою собственную гипотезу – гипотезу, предполагающую, что в социально-гуманитарных науках была лишь одна-единственная революция, – КМВ-революция, – которая произошла во второй половине XIX – первой трети XX в.

КМВ-революция в социально-гуманитарных науках

Изложим сразу два ключевых тезиса данной статьи: это, во-первых, гипотеза «КМВ-революции» в социально-гуманитарных науках, и, во-вторых, предположение о существовании двух периодов развития социально-гуманитарного знания: «натуралистического» и «ойкуменического».

«КМВ» здесь означает «Конт–Маркс–Вебер», и эта глобальная КМВ-революция в социально-гуманитарных науках происходила в течение восьмидесяти лет, начиная с 1840 гг. и кончая примерно 1920 г. Основные вехи этой революции: выход работы О.Конта «Курс позитивной философии» (1830-1842 гг) [напр. Конт, б/г], фундаментального труда К. Маркса «Капитал» (1867)[2] [Маркс, Энгельс, 1955-1966. Т. 23], методологических статей М.Вебера (1904-1920) [Вебер, 1990].

«Натуралистический»[3] период в социально-гуманитарных науках – это период до КМВ-революции. Он характеризуется следующими основными признаками: нерасчленённость социального и гуманитарного знания (отсутствие разделения на социальные и гуманитарные науки), «подражательный», вторичный характер социально-гуманитарного знания в отношении естественнонаучного знания (стремление построить «социальную механику», «социальную физику» и т.п.), недоучет специфики социогуманитарного знания в целом; несформированность, неоформленность собственной методологии, хотя бы в форме так называемого «позитивизма»; в некоторых случаях сознательное, а в подавляющем большинстве случаев стихийно-бессознательное занижение почти до нуля идеологической составляющей этого знания.

КМВ-революция – это научная революция в социально-гуманитарных науках, произошедшая в 1840-1920 гг. и осуществившая в нем следующие фундаментальные, коренные перемены: 1) разделение социального и гуманитарного знания; 2) формирование позитивизма – первой оригинальной методологии социально-гуманитарного знания; 3) осознание роли идеологии как конститутивной функции этого знания. Благодаря этой революции совершился переход от «натуралистического» периода социально-гуманитарного знания к «ойкуменическому» периоду его развития, продолжающемуся до сего дня.

«Ойкуменический»[4] период в социально-гуманитарных науках – это период после КМВ-революции (он продолжается до нашего времени, и, и как мы скажем далее, пока новой революции здесь не предвидится). Он характеризуется следующими основными чертами: разделение социального и гуманитарного знания, стремление социальных ученых и гуманитариев к построению собственной отдельной методологии – соответственно социальной методологии и гуманитарной методологии; осознание идеологии в качестве конститутивной функции социально-гуманитарного знания.

Почему эта революция названа по имени Конта, Маркса и Вебера? Потому что каждый из этих мыслителей внес свой оригинальный, но при этом весьма значимый вклад в глобальную революционную трансформацию социально-гуманитарного знания.

Огюст Конт (1798–1857) разработал позитивистскую методологию, впервые изобрел сам термин «позитивизм», подразумевая под ним возможность создания некой «позитивной» («положительной») философии, свободной от спекуляций и абстрактных (в худшем смысле этого слова) метафизических рассуждений, а в качестве модели для себя полагающую естественные (эмпирические) науки, – прежде всего, математику и физику.

Методологический парадокс здесь заключается в следующем: хотя сам Конт полагал, что социально-гуманитарные науки по своему методу и предмету принципиально ничем не отличаются от естественных наук, и он, Конт, лишь переносит, экстраполирует методологию естествознания на науки об обществе, на деле же он фактически разработал

[1] Предоставим право нашим российским физикам, химикам, математикам и др. в дальнейшем решить, насколько эта схема также соответствует реальному процессу эволюции естественнонаучного знания.

[2] Конечно, не следует исключать влияния и других работ К.Маркса, – в том числе написанных совместно с Ф.Энгельсом («Манифест Коммунистической партии», «Немецкая идеология» и т.п.)

[3] «Натуралистический» – здесь означает, что социально-гуманитарные науки были как бы «слиты», «едины» с естественнонаучным знанием.

[4] Эпитет «ойкуменический» подчеркивает тот факт, что социально-гуманитарное знание посредством своих представителей стремится выстроить собственную «вселенную» («ойкумену») научного знания.

новую оригинальную «позитивистскую» методологию, занявшую абсолютно доминирующее положение в социально-гуманитарных науках, начиная со второй трети XX века. Впоследствии методологию позитивизма (в форме неопозитивизма) в западной социальной философии разрабатывали такие мыслители, как Д.С. Милль, Б. Рассел, Ф. Хайек, К. Поппер; позитивизм явился также одним из источников для возникновения постэкономизма, который окончательно оформился в семидесятые годы XX века трудами Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, Й. Масуды, Э.Тоффлера и других теоретиков «постиндустриального («нового индустриального») общества»[1].

Карл Маркс (1818-1883) внес свой вклад в «идеологическую составляющую» КМВ-революции. Он на примере собственной политэкономической и социально-теоретической концепции, получившей название «марксизм», продемонстрировал то фундирующее значение, которое имеет идеология для социально-гуманитарного знания, – значение, которое оставалось для всех социальных ученых доселе скрытым и недоступным. Маркс впервые в истории социально-гуманитарных наук сблизил (если не сказать: «слил воедино») теорию и практику, показал возможности и потенциал практического применения социально-гуманитарного знания для достижения конкретных политических целей. Конечно, можно указать на то, что у Маркса в этом направлении были свои предшественники: это и Платон, и Макиавелли, и Руссо, но все же социальная теория Маркса представляет абсолютный качественный прорыв в понимании места и значения как в целом социально-гуманитарных наук, так и идеологии в частности, для общества в целом.

Макс Вебер (1864-1920) и отчасти предшествующие ему неокантианцы не только, как это представляется большинству ученых, заложили основы современной социальной эпистемологии, но они, как мы полагаем, сделали нечто гораздо больше: неокантианско-веберианская концепция впервые в истории социально-гуманитарного знания сделала первый шаг к разделению этого знания на «социальное знание» и «гуманитарное знание».

Методологическую программу, исходящую из принципа разделения социально-гуманитарного знания на «социальное» и «гуманитарное», мы обозначали как «дивизионизм» [Орехов, 2020, с. 38-45][2]. Вряд ли сам Вебер осознавал ясно и отчетливо свой «дивизионистский» вектор исследований, – и вряд ли это могли в должной мере осознать его последователи в этом направлении – В. Дильтей, Г. Гадамер, а также другие школы, развивающие принципы «дивизионизма» – неопозитивизм, аналитическая философия, институционализм. Пусть это прозвучит слегка крамольно, но только с рубежей науки начала XXI века можно разглядеть эту важнейшую составляющую КМВ-революции: начало процесса разделения социального и гуманитарного знания, – процесса, который и ныне чрезвычайно важен для понимания природы этого знания.

Естественно, и сам Макс Вебер не сразу, а лишь в последней трети своего творческого пути пришел к своим революционным социально-эпистемологическим и социально-методологическим идеям, – это был долгий и трудный путь, – а начальной точкой отсчета следует считать здесь изучение им истории:

«Путь Вебера к социологии, как он ее понимал, был довольно долгим. Он долго не мог найти нужную форму, а поначалу – и подходящую конкретную тему, на примере которой он мог бы продемонстрировать то, что волновало его ум. Вебер не был вундеркиндом-виртуозом, перед которым весь его духовный мир раскрывается сразу во всей полноте. Однако уже с самого начала его учебы в университете очень четко прослеживаются его специфические интересы: это античность, история религий и всеобщая история» [Каубе, 2016, с.87].

Таким образом, труды трех великих мыслителей, – Конта, Маркса и Вебера, – интерпретированные в общем, совместном ракурсе, позволяют нам выдвинуть гипотезу «КМВ-революции». Но мы признаем тот факт, что эта гипотеза должна пройти соответствующую апробацию в научном сообществе, – и не только в российском, но и в зарубежном. Только в случае успешной апробации можно будет говорить о КМВ-революции как о неком реальном, свершившемся факте в процессе движения, развития социально-гуманитарного знания.

Пока одна революция, – будут ли другие?

Поскольку автор данной статьи сформулировал идею одной революции в социально-гуманитарных науках, то закономерен вопрос: может быть, мы уже стоим на пороге другой (второй по счету) революции в них?

Пока что никаких предпосылок для второй научной революции в социально-гуманитарном знании, на наш взгляд, не существует. И уж никакая «синергетика» или «трансдисциплинарность» не могут стать ее предпосылкой на данном этапе развития социально-гуманитарных наук. Более того, мы утверждаем и делаем с твердым убеждением, что социально-гуманитарное знание на современном этапе находится исключительно на (sic!) эволюционной стадии своего развития. Идет плавный, линейный, градуальный, постепенный процесс накопления социально-гуманитарного знания, – период «нормальной науки», по терминологии Т. Куна.

Тем не менее, следует предположить, что в будущем (но не в ближайшем) такие предпосылки могут возникнуть. Вероятно, одна из них может быть связана с дальнейшей дифференциацией внутри социально-гуманитарного знания: если предпосылкой КМВ-революции стало разделение социального и

[1] Подробнее о «постэкономизме»: [Орехов, 2011, с.38-40]
[2] Противоположная методологическая программа, отстаивающую идею единства социально-гуманитарного знания – «юнитизм».

гуманитарного знания, но, можно с большой осторожностью предположить, что обособление внутри его новых групп наук (например, когнитивных наук) также станет предпосылкой новой научной революции.

Не менее важной предпосылкой новой революции может стать роль методологии. Например, уже сейчас позитивистская методология испытывает жесткое давление со стороны социального реализма (иначе, «критического реализма»). Возможно, что в перспективном будущем реалистская методологическая программа может стать ведущей в социально-гуманитарном знании, и этот факт также может, вероятно, стать предтечей новой научной революции.

Наконец, если признать разделение социального и гуманитарного знания состоявшимся фактом, то, вероятно, в будущем, следует отдельно ставить вопрос о революциях в социальных науках и отдельно о революциях в гуманитарных науках, и рассуждение в ином ракурсе, – в отношении совокупного социально-гуманитарного знания) уже будет неправильным.

Таким образом, концепция «КМВ-революции в социально-гуманитарных науках», произошедшей во второй половине XIX – первой трети XX века, и идея двух периодов, – «натуралистического» и «ойкуменического», а также понимание того, что ныне мы находимся на эволюционной, линейной стадии, – все это, взятое в целом, как полагает автор статьи, будет способствовать углублению наших представлений о сущности и природе социально-гуманитарного знания, – в том числе в отношении тех проблем и вопросов, что стоят перед социально-гуманитарными науками в первой трети XXI в.

Библиография:

1. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В.С.Степина // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 5-31.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Социология как способ самопознания общества // Социс. 2018. № 7. С. 3-11.
4. Каубе Ю. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. М.: Дело, 2016.
5. Конт О. Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества // Зомбарт В. Социология, Л., б/г.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, М.: Политиздат. 1955 – 1966.
7. Орехов А.М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования // Социум и власть. 2018. № 3. С. 91-98.
8. Орехов А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века, М.: Либроком. 2011.
9. Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М.: ИНФРА-М, 2020.
10. Платонова С.И. Парадигмальный характер социального знания. Ижевск: Ижевская ГСХА. 2014.
11. Порус В.С. От междисциплинарности к трансдисциплинарности: мосты между философией науки и философией культуры // Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы. М.: Навигатор, 2015. С. 424-429.
12. Родрик Д. Экономика решает: Сила и слабость «мрачной» науки. М.: Институт Гайдара, 2016.
13. Степин В.С. Картина мира и современные проблемы научного знания // Культурно-историческая эпистемология. Проблемы и перспективы. М.: РОССПЭН, 2014. С. 67-84.
14. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999.
15. Черникова И.В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки // Вопросы философии, 2015. № 4. С. 26-35.